

оригинальная статья

Вкладышевый кинжал эпохи неолита из поселения Усть-Нарым на р. Иртыш

Самашев Зайнолла Самашевич

Институт археологии имени А. Х. Маргулана, Казахстан, Алматы

Казахский национальный университет имени Аль Фараби, Казахстан, Алматы

<https://orcid.org/0000-0002-7171-3003>

Scopus Author ID: 57110326000

archaeology_kz@mail.ru

Поступила в редакцию 05.09.2023. Принята после рецензирования 17.11.2023. Принята в печать 21.11.2023.

Аннотация: Вкладышевый костяной кинжал происходит из неолитического слоя поселения Усть-Нарым на р. Иртыш и по своему конструктивному решению, технологии обработки материалов, функциональному назначению, а также по многим другим параметрам является редким и наиболее древним на сегодняшний день образцом оружия рукопашного боя в Казахстане. Составной предмет изготовлен из задней левой плюсневой кости дикого тура (быка) с помощью различных инструментов и включает тонкие и острые кремневые пластины, которые прикреплялись с помощью специального клеящего вещества в пазы на боковых гранях оправы кинжала. Допустимо, что для боевого применения данного колюще-режущего характера оружия, для его чрезмерно короткой рукояти могли использовать дополнительный насад. Изображения символических знаков в виде точек или кругов, соединенных прямыми линиями, расположенных на противоположных сторонах клинка, позволяют предполагать включенность данного оружия в круг сакрализованных в конкретном социуме предметов, которые могли быть использованы при проведении различных ритуально-обрядовых церемоний, в том числе связанных с актом жертвоприношения. Типологически кинжал из Усть-Нарыма имеет близкие параллели в поздне-палеолитических и мезолитических памятниках юга Западной Сибири, Урала, Прибайкалья и ряда регионов Восточной Европы, которые в совокупности с другими компонентами материальной культуры маркируют этапы интеграции технико-технологических идей, адаптированных к местным сырьевым ресурсам, и многовековые этносоциокультурные процессы на обширной территории Евразии.

Ключевые слова: кинжал, кость, вкладыш, поселение, неолит, оружие, знаки

Цитирование: Самашев З. С. Вкладышевый кинжал эпохи неолита из поселения Усть-Нарым на р. Иртыш. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 6. С. 735–748. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-6-735-748>

full article

Neolithic Liner Dagger from Ust-Narym in the Irtysh River Valley

Zainolla S. Samashev

A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, Republic of Kazakhstan, Almaty

Al Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan, Almaty

<https://orcid.org/0000-0002-7171-3003>

Scopus Author ID: 57110326000

archaeology_kz@mail.ru

Received 5 Sep 2023. Accepted after peer review 17 Nov 2023. Accepted for publication 21 Nov 2023.

Abstract: The present research featured a slotted, or liner, bone dagger from the Neolithic layer of the Ust-Narym settlement on the Irtysh River. Its design, material processing technology, and functional purpose make it a rare, as well as the most ancient example of hand-to-hand combat weapons found in Kazakhstan. This composite object was carved from the posterior left metatarsal bone of a wild auroch with the help of several tools. It includes thin and sharp flint inserts, which were attached into the grooves on the side faces of the dagger frame with a special adhesive substance. An additional nozzle for a short handle made it possible to use this piercing-cutting weapon in battle. It is decorated with dots and circles connected by straight lines, which probably means it was a socialized object of ritual use associated with sacrifice. Typologically, the dagger from Ust-Narym is similar to artifacts found in the Late Paleolithic and Mesolithic

sites in the south of Western Siberia, in the Urals, in the Baikal region, and in Eastern Europe. The dagger marks a milestone in the technical and technological development of ancient Eurasian peoples. It also illustrates the ethno-social and cultural processes across the vast territory of Eurasia.

Keywords: dagger, bone, liner, settlement, Neolithic, weapons, signs

Citation: Samashev Z. S. Neolithic Liner Dagger from Ust-Narym in the Irtysh River Valley. *SibScript*, 2023, 25(6): 735–748. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-6-735-748>

Введение

В Восточно-Казахстанском областном историко-краеведческом музее, г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан, хранится костяной двухпазовый кинжал с кремневыми вкладышами, найденный в 1954 г. экспедицией под руководством С. С. Черникова в неолитическом слое поселения Усть-Нарым на р. Иртыш, в 3 км от одноименного села, исчезнувшего при создании Бухтарминского водохранилища, в пределах современной административной территории Катонкарагайского района Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан. Данный архаичный тип оружия привлек наше внимание, поскольку он маркирует целый пласт культуры, связанный с совершенствованием технологии обработки материалов, появлением новейших для своего времени орудий труда и предметов вооружения, возникновением и сложением новых социокультурных установок и порядков в неолитических сообществах Евразийских степей. Вкладышевый кинжал неолитической эпохи из Восточного Казахстана можно отнести к числу ярких находок во всем Евразийском степном пространстве. Технично-функциональные, конструктивные и другие особенности изделия предполагают более тщательный подход к его изучению. Разработка проблем типологии, классификации и хронологической атрибуции кинжалов как одной из наиболее распространенных категорий наступательного оружия ближнего (или рукопашного) боя, несмотря на очевидные успехи оружейведения, все еще остается актуальной. Костяные двухпазовые вкладышевые кинжалы, представленные во всем Евразийском пространстве пока немногочисленными образцами, еще не привлекались активно к процедуре археологической типологии, за исключением, пожалуй, находок из Горного Алтая (Усть-Иша, Каминная и др.), Оленеостровского могильника, Минино 2 в Подмосковье, Черноозерье II в Омской области, Пеган в Курганской области РФ и из Прибайкалья, которые датируются широким хронологическим диапазоном от позднего палеолита до неолита

включительно. Поэтому специальное изучение вкладышевого кинжала из Усть-Нарыма на р. Иртыш позволит рассматривать оружейный комплекс неолитической эпохи в контексте культурно-исторических явлений, контактов и взаимовлияний, которые имели место в указанный исторический период. Ниже дадим доступную нам информацию о нем.

Результаты

Как следует из отчета Восточно-Казахстанской экспедиции, поселение было обнаружено еще в 1950 г. во время разведочно-поисковых работ в зоне затопления Бухтарминской ГЭС. На месте поселения были зафиксированы микролиты из камней черного цвета и множество других артефактов [Черников 1952: 84].

В 1952 г. здесь был исследован котлован шалашидной конической формы (в реконструкции) жилища с каменным очагом в середине. В соответствующем культурном слое поселения зафиксированы кремневые пластины, обломки керамики, зернотерки, кости животных, рыб и др., которые дали основание датировать пласт культуры с жилищем раннеандроновского времени [Черников 1956: 45, 47, 48, рис. 17]. Дальнейшее расширение и углубление раскопок привело к открытию неолитического пласта культуры поселения, который был отделен от верхнего слоя полосой стерильного песка мощностью 1,0–1,10 м³. В 1956 г. основные изыскания на поселении Усть-Нарым были завершены. Среди огромного количества материалов кремневой индустрии из Усть-Нарыма (около 16 тысяч орудий [Коробкова 1963: 215]), по данным С. С. Черникова, определены 49 наконечников стрел «на пластинке с приостренным краем, листовидные, сплошь ретушированные с округлым основанием и выемкой у основания (большинство)», т. е. с намечающимися жальцами, с прямым и округлым основанием, 54 наконечника копий, более 600 ножей (листовидной формы с выпуклым лезвием, подпрямоугольной и подтреугольной форм

¹ Черников С. С. Отчет о работе Восточно-Казахстанской экспедиции ИИМК АН СССР. 1953. *Архив Восточно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея*. № ВКОМ КПнв8п-6109. Л. 5; Черников С. С. Отчет о работе Восточно-Казахстанской экспедиции ИИМК АН СССР. 1954. *Архив Восточно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея*. № ВКОМ КПнв8п-6109. Л. 4–8.

с выпуклым и прямым лезвием на массивных пластинах, отщепах и на сланцевых плитках), вкладыши от режущих и колющих орудий, рубящие орудия (топоры, тесла, долота, в том числе с пришлифованным рабочим краем, и костяные изделия) [Черников 1970: 8, 9]. Такое изобилие кремневой индустрии позволило предположить наличие здесь мастерской по изготовлению каменных орудий. Среди них – ножи, обломки наконечников копий, стрел и дротиков, ретушированные вкладыши, «утюжки» (рис. 1) и др. [Черников 1959: 99–102, рис. 38, 39].

С. С. Черников позже предпринял попытку обосновать выделение здесь неолитической Усть-Нарымской археологической культуры и определить ее место среди подобных памятников степной Евразии [Черников 1959: 100; 1970: 12–15].

Кинжал, о котором речь пойдет ниже, лежал под четырьмя ребрами человека, с его правой стороны и острием к его ногам и на уровне пояса, погребенного

в неолитическом слое (квадрат К-6) поселения Усть-Нарым (рис. 2², 3³). Кости индивида оказались заметно потревоженными.

По положению сохранившихся костей скелета можно установить, что умерший первоначально был положен на спину в вытянутом состоянии, руки покоились вдоль туловища. Среди разрозненных костей скелета находилась нижняя челюсть человека.

У плечевой кости погребенного найден, как отмечено в отчете, небольшой каменный терочник со скошенной рабочей площадкой⁴.

Согласно отчету экспедиции, на той же глубине (1,30 м от дневной поверхности) в соседнем квадрате (3-5) находился другой скелет, принадлежавший мужчине старческого возраста⁵. Человек был положен на спину с согнутыми коленями вверх, вещей при нем не было. Хотя оба погребения находились на одном горизонте, в близких квадратах раскопа, по поводу датировки

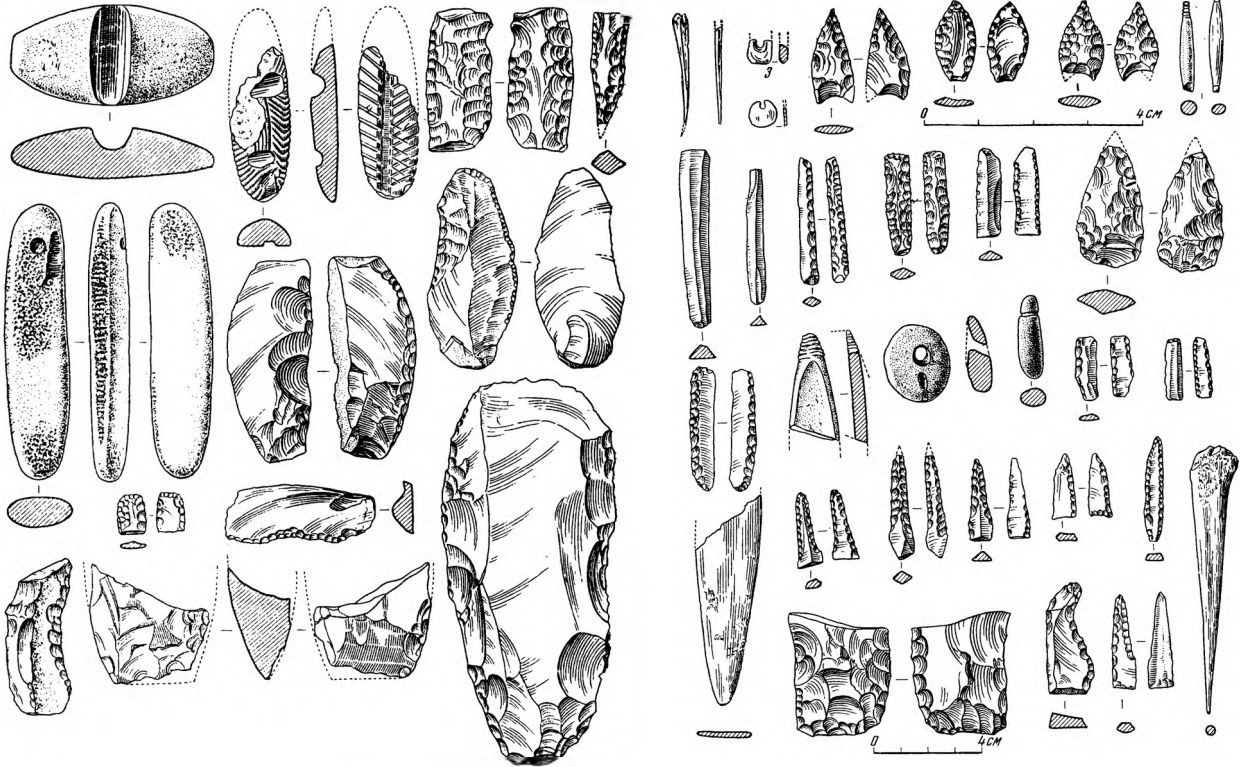


Рис. 1. Каменные изделия из неолитического слоя поселения Усть-Нарым на р. Иртыш [по: Черников 1959: рис. 38, 39]

Fig. 1. Artifacts from the Neolithic layer of the Ust-Narym settlement on the Irtysh River [Chernikov 1959: fig. 38, 39]

² Черников С. С. Отчет о работе Восточно-Казахстанской экспедиции ИИМК АН СССР. 1954. Рис. КПо21п-9356.

³ Там же. Рис. КПо21п-9360. Фрагмент фото.

⁴ Там же. Л. 7.

⁵ Там же.



Рис. 2. Поселение Усть-Нарым на р. Иртыш. Разрушенное погребение с вкладышевым кинжалом
 Fig. 2. Ust-Narym settlement on the Irtysh River: desecrated grave where the dagger was found

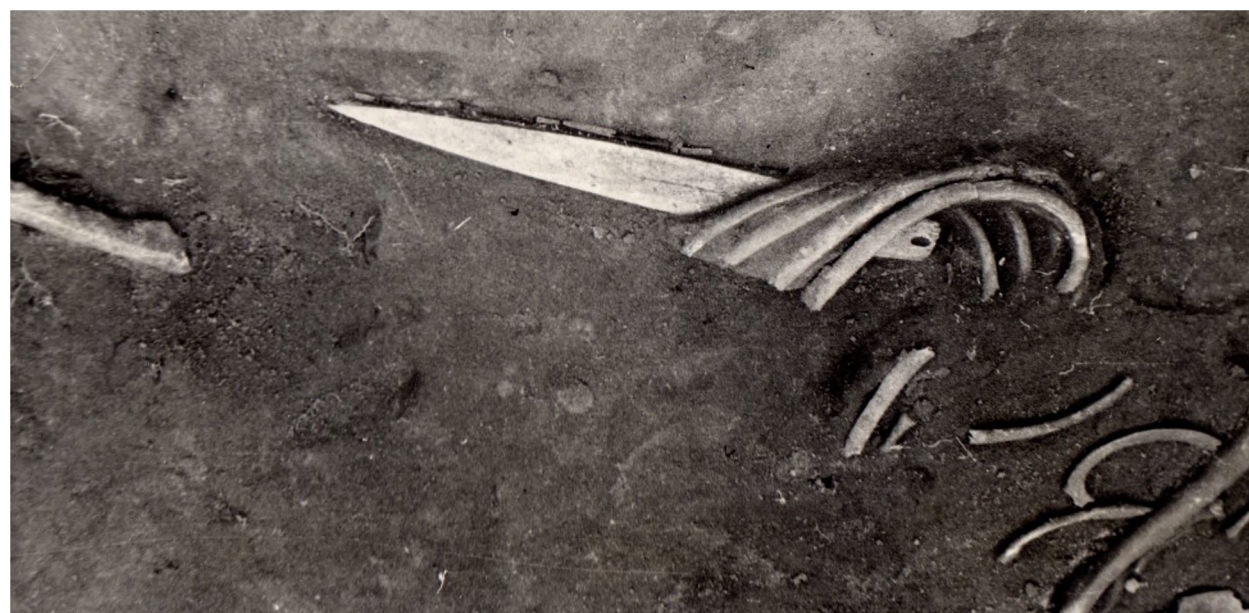


Рис. 3. Поселение Усть-Нарым. Вкладышевый кинжал in situ
 Fig. 3. Ust-Narym settlement: liner dagger in situ

и антропологических характеристик есть разные подходы. Большинство современных исследователей погребение пожилого мужчины датируется энеолитическим временем [Солодовников и др. 2019: 128, 129; Яблонский 2002: 60]. В. В. Гинзбург полагал, что останки этого человека принадлежат мужчине некоего протоевропеоидного антропологического типа, также относил к энеолиту [Гинзбург 1956: 167].

Касательно другого погребения с костяным кинжалом указанный автор склонялся к более древней датировке – неолиту [Гинзбург 1956: 170].

Кинжал представляет собой плоскую пластину-оправу толщиной 0,3 см, длиной в 23 см, максимальной шириной 2,2 см. Нижняя часть плоской костяной оправы кинжала резко сужается к острию. Кончик оружия имеет повреждение современного происхождения. Рукоять кинжала не выделена (рис. 4).

С. С. Черников полагал, что оружие было изготовлено из ребра крупного животного⁶. Однако палеозоолог М. Шагирбаев из Института археологии имени А. Х. Маргулана, изучивший кинжал в 2023 г. современными методами на предмет таксономической идентификации, сообщил нам, что он изготовлен из задней левой плюсневой кости дикого тура (*Bos primigenius*) путем сложной технологической обработки.

В верхней части костяной оправы кинжала имеется естественного происхождения отверстие (проксимальное межкостное отверстие), которое слегка расширено до овально-вытянутой формы и приспособлено, возможно, для подвешивания с помощью кожного шнура к поясу (или же для крепления к дополнительной рукояти). Возможность использования естественного отверстия допускают и другие исследователи [Жилин 2001: 89].

Естественную основу имеет и продольный желоб на поверхности кости, выполнявший, возможно, функцию долы клинка кинжала, т. е. элемента, имитирующего ребра жесткости.

Трасологический анализ, проведенный А. Ержановой из Института археологии имени А. Х. Маргулана, позволил определить характер следов рабочих инструментов, использованных для изготовления данного изделия. Скобелем и строгальным ножом костяной оправе кинжала придавалась нужная форма и выравнивалась поверхность (рис. 5).

Лицевая поверхность изделия имеет едва заметную вогнутость, залощена (возможно, с помощью шкуры), а внутренняя поверхность – плоская, несколько шероховатая, отшлифована абразивом. На обушковой части оправы кинжала видны остатки естественной губчатой кости, которая была срезана с помощью ножа

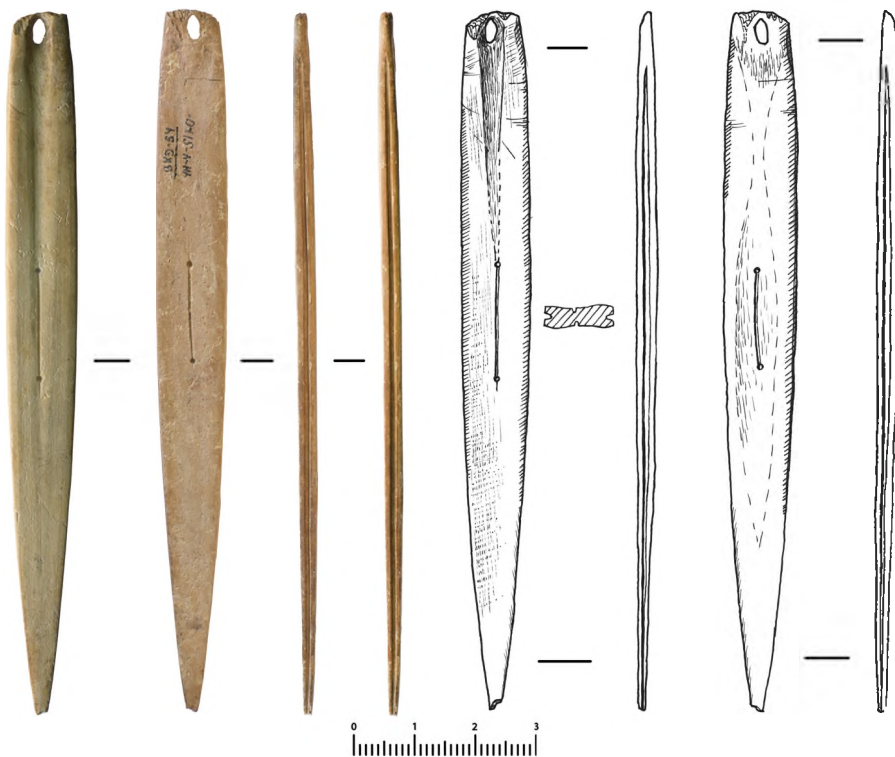


Рис. 4. Фотографии и графические рисунки костяной оправы и паз на боковых гранях кинжала из неолитического слоя поселения Усть-Нарым на р. Иртыш
Fig. 4. Photographs and sketches of liner dagger and side grooves

⁶ Там же.

и отшлифована каменным абразивом. Боковые грани кинжала также были обработаны каменным абразивом по длине структуры кости.

Важнейшим элементом конструкции кинжала является наличие двух паз для крепления кремневых вкладышей, которые прорезаны резцом с точечной кромкой на боковых гранях костяной оружия (рис. 4). Поэтому такие изделия называют двухпазными. Ширина паз – 3 мм, глубина – местами до 5 мм, в сечении имеют V-образное очертание. Что касается истинных параметров, форм и количества кремневых вкладышей, то на фотографии к отчету за 1954 г. различимы несколько образцов только лишь с одной стороны кинжала (рис. 3). Сам С. С. Черников писал, что по обоим «узким сторонам кинжала, во всю длину прорезаны пазы, куда вставлены очень тонкие пластинки черного кремня без ретуши (сохранились не все)»⁷ [Черников 1970: 7].

В реестре археологической карты Казахстана за 1960 г. дан графический рисунок этого изделия (рис. 6, 1), обозначенный как «кость с кремневыми вкладышами», где с обеих сторон схематически показаны вкладыши⁸. Для экспонирования в музее в боковые пазы кинжала вставлены кремневые микропластины, которые происходят тысячами из неолитического слоя того же поселения Усть-Нарым, но, как показали трасологические анализы, напрямую не связаны с этим предметом вооружения (рис. 6, 2).

Вкладышевый кинжал, найденный в чрезвычайно насыщенном артефактами неолитическом слое поселения Усть-Нарым на р. Иртыш, как продукт обработки и соединения разных по природе происхождения материалов – кости дикого тура и твердой породы камня – является маркером технологического уровня социума, за которым просматриваются общие черты

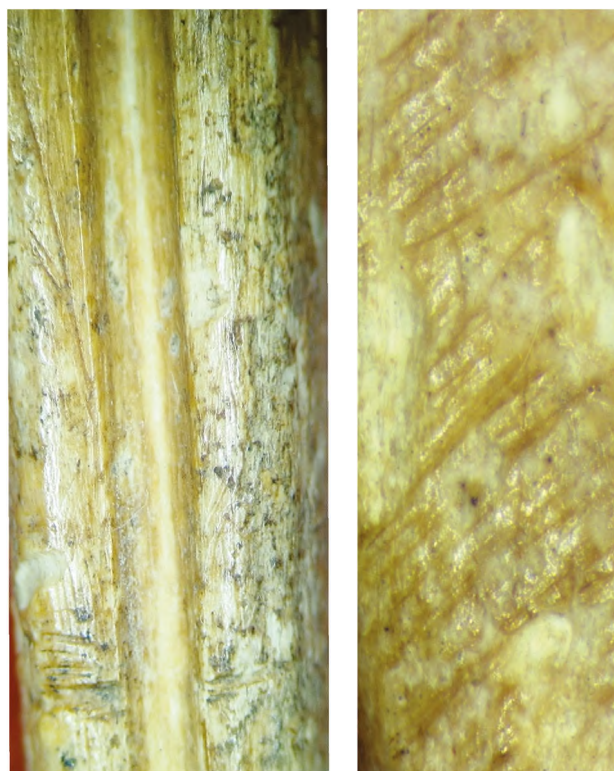


Рис. 5. Прямые и косые следы обработки кости с помощью резцов на поверхности неолитического кинжала из Усть-Нарыма (макро-фото А. Ержановой)

Fig. 5. Straight and oblique traces of bone processing with different cutters: Neolithic dagger from Ust-Narym (macro-photo by A. Yerzhanova)



Рис. 6. Вкладышевый кинжал из Усть-Нарыма: 1 – графический рисунок на Археологической карте Казахстана, 1960 г.; 2 – экспозиционный вариант показа вкладышевого кинжала из поселения Усть-Нарым (Восточно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей, 2023 г.)

Fig. 6. Liner dagger from Ust-Narym: 1 – drawing made on the Archeological Map of Kazakhstan, 1960; 2 – exposition version from the East Kazakhstan Regional Museum of History and Local Lore, 2023

⁷ Там же. Л. 7.

⁸ Археологическая карта Казахстана. Реестр. Алма-Ата: АН КазССР. 1960. Табл. IX, рис. 71.

палеоэкономической структуры и сложные социокультурные явления неолитических сообществ, их многоплановые контакты в пространстве и соответствующие этим процессам признаки интеграции, «блуждающие» технологические идеи, адаптированные к местным сырьевым ресурсам, о которых красноречиво свидетельствует распространение в ряде локальных зон Евразии сходных по форме и функциональному назначению составных предметов вооружения и быта. Одинаковые символические знаки, расположенные на противоположных поверхностях клинка в виде точек / кругов, соединенных прямыми линиями / дорожками, возможно, включаются в бинарное мировоззренческое поле как носители некоего сакрально-магического текста, и сам предмет, согласно изначально заложенной в нем функции как оружия колюще-режущего свойства, в случае квалификации его как священного оружия, безусловно, интегрируется к процедуре ритуально-обрядовых действий, проводимых в определенные периоды жизни социума.

Обсуждение

У кинжала из Усть-Нарыма отсутствует полноценная рукоять, без которой трудно наносить сильные направленные тычковые или колющие удары при рукопашном бое. Поэтому с учетом находок вкладышевых кинжалов, копий и других орудий, происходящих, например, из Минино 2 в Подмосковье, в Прибайкалье, Оленеостровского могильника в Карелии и других памятников соседних и отдаленных регионов, можно предположить, что изделие могло иметь ручку-насад для удобства и усиления ударного действия. Как показывает анализ состава находок из указанных и других памятников Евразии, дополнительные насадки были характерны в основном для костяных вкладышевых наконечников метательных орудий [Сорокин 2013: 271]. В то же время некоторые авторы, ссылаясь на этнографические материалы, допускают, что такого типа кинжалы могли быть использованы без дополнительной рукояти, с обмоткой кожей или другими материалами [Жилин 2001: 86; 2021: 45].

На обеих сторонах костяной оправы клинка нашего кинжала изображены, как отмечено выше, одинаковые геометрической формы знаки-символы в виде узкой, но довольно заметной резной линии с двумя точками на концах, выполненные резцом и сверлом (рис. 4, 6, 7). Глубина отверстий – 2 мм, длина прорези – 32 мм.

Относительно назначения и содержания данного знака-символа на поверхности оружия следует заметить, что это не обычные декоративные элементы, возможно, они связаны с мифо-ритуальным комплексом неолитических племен. Две точки или лунки (или два круга) на концах прямой линии, возможно, связаны

с идеей начала и конца какого-то жизненного или природного цикла, бинарными оппозициями. В качестве типологической и, возможно, семантической параллели укажем на т. н. гантелеобразные и очкообразные фигуры в петроглифах бронзового Казахстана, которые встречаются нередко в культовых сюжетах в сочетании с образами ряженных людей, изображений быков-туров и других животных (рис. 8, 9). В этой связи отметим, что поверхности некоторых типологически близких костяных вкладышевых кинжалов, которые использовались еще в финальном палеолите

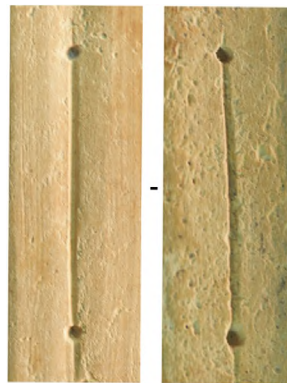


Рис. 7. Знаки на поверхности вкладышевого кинжала неолитического времени из Усть-Нарыма (фотография З. С. Самашева)
Fig. 7. Liner agger from Ust-Narym: ornament (photo by Z. S. Samashev)



Рис. 8. Петроглифы бронзового века на скале Терс. Юг Казахстана (фотография З. С. Самашева)
Fig. 8. Bronze Age petroglyphs on Ters Rock, Southern Kazakhstan (photo by Z. S. Samashev)



Рис. 9. Наскальные изображения бронзового века на хребте Каратау. Урочище Сауыскандык (фотография З. С. Самашева)
Fig. 9. Bronze Age rock paintings on the Karatau Ridge, Sauyskandyk Tract (photo by Z. S. Samashev)

и мезолите ряда близких и отдаленных территории (Черноозерье II, Пеган, Оленеостровский памятник и др.), украшались простыми и сложными геометрическими узорами (рис. 10, 1–3), образующими в ряде случаев смысловые композиции, которые рассматриваются некоторыми исследователями как знаковый синтаксис орнаментального текста [Шмидт 2022]. Геометрические изображения на костяном кинжале из Пегана рассматривались и как план рыболовных сооружений [Матюшин 1976: 273–275]. Орнаментальные элементы и мотивы, составляющие сложные композиции, отмечают исследователи на поверхностях костяных пазовых орудий (в основном мезолит и неолит) из Красноярского археологического района [Акимова и др. 1996: 67, 68, рис. 1–6]. Материал из погребения памятника Сопка-2 на реке Оми (рис. 10, 4) свидетельствует о том, что традиция декорировать поверхность подобного рода оружия сохраняется и в эпоху раннего металла [Молодин 2001: 51, рис. 26].

Усть-Нарымский кинжал отнесен исследователями к неолитическому времени [Гребенюков 2015: 60; Коробкова 1963; 1969; Черников 1959: 99], и пока нет попытки пересмотра его датировки другими учеными.

Укажем на некоторые доступные нам, типологически и функционально близкие аналогии к Усть-Нарымскому кинжалу из близких и отдаленных регионов.

Костяной двухпазовый вкладышевый кинжал с орнаментированной поверхностью, найденный в культурном слое позднепалеолитической стоянки Черноозерье II на р. Иртыш, на территории Саргатского района Омской области РФ (рис. 10, 2) [Петрин 1974: 15, рис. 1, 1], типологически (но не хронологически) близок к нашему экземпляру [Мосин 2019: 139, 140]. Следует заметить, что еще в эпоху мезолита в Западной Сибири, на юге Урала и в Восточной Европе распространение таких кинжалов становится довольно заметным явлением [Жилин 2001: 86; 2021: 45; Сальников 1952: рис. 1].

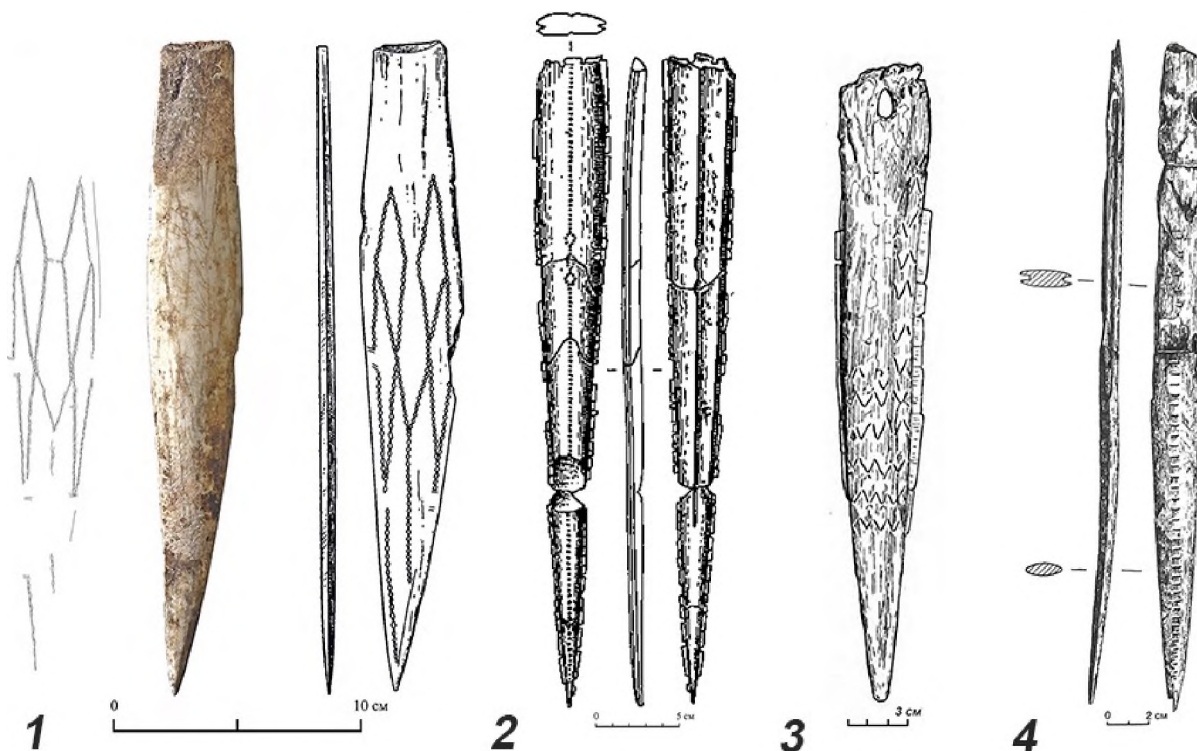


Рис. 10. Костяные кинжалы с гравированными знаками: 1 – костяной вкладышевый кинжал с ромбовидными знаками из погребения Пеган, Курганская область, РФ [по: Шмидт 2022: 353, рис. 4]; 2 – костяной вкладышевый кинжал со знаками из позднепалеолитической стоянки Черноозерье II на Среднем Иртыше [по: Петрин 1974: 15, рис. 1, 1]; 3 – кинжал из Оленеостровского могильника [по: Гурина 1956: 224, рис. 122, 1]; 4 – Костяной вкладышевый кинжал с короткими поперечными насечками из энеолитического погребения № 656 могильника Сопка-2 [по: Молодин 2001: 51, рис. 26]

Fig. 10. Bone daggers: 1 – bone dagger with diamond-shaped ornament from Pegan, Kurgan Region, Russia [Schmidt 2022: 353, fig. 4]; 2 – bone liner dagger from the Late Paleolithic site of Chernoozerie II on the Middle Irtysh River [Petrin 1974: 15, fig. 1, 1]; 3 – dagger from the Olenoostrovsky burial site [Gurina 1956: 224, fig. 122, 1]; 4 – bone liner dagger with short transverse notches and incisions from Eneolithic burial site No. 656, Sopka 2 burial ground [Molodin 2001: 51, fig. 26]

Наибольшее количество морфологически и территориально-хронологически близких образцов происходит из разных регионов Алтайской горной системы: три основы вкладышевого кинжала – из могильника Солонцы-5 (рис. 11, 1), в правобережье р. Бия на территории Алтайского края [Кунгурова 2005: 19, 117, рис. 38, 2–4, фото 9]; один – из женского погребения неолитической эпохи возле пещеры Каминной (рис. 11, 2) в Усть-Канском районе Республики Алтай РФ [Маркин 2000: рис. 3, 29] и восемь – из Усть-Ишы (рис. 11, 3), в северном предгорье Алтая, при впадении р. Иша в р. Катунь [Кирюшин и др. 2000: 17, 87, 88, рис. 22, 23].

Из числа территориально и хронологически близких к нашему экземпляру находок отметим фрагмент основы вкладышевого кинжала с отверстием в верхней части рукояти (рис. 12, 1), найденный в шурфе пещеры Бийка-1 в Горном Алтае [Нохрина, Чеха 2013: 136]. На территории Кемеровской области РФ, у деревни Васькова, среди костяных орудий труда, найденных в разрушенном неолитическом погребении, имеется обломок костяного кинжала [Бородкин 1967: 103, 104, рис. 9].

Из западных и северо-западных параллелей, кроме упомянутых выше Черноозерья II и Пеган, отметим образец, найденный в местности Тау-Тюбе в Северном Прикаспии (рис. 12, 2), с аналогичными конструктивными решениями [Дубягин и др. 1982: 128, рис. 24].

Из восточных параллелей укажем на кинжал, обнаруженный в неолитическом погребении в Норовлин ууле (рис. 12, 3) на р. Керулен в Монголии [Волков 1975: 78, рис. 2].

Морфологически близки нашему экземпляру вкладышевые кинжалы из Прибайкалья (рис. 13). А. П. Окладников, исследовавший серию таких орудий в Прибайкалье, обращал внимание на их особенности, на технику изготовления кремневых вкладышей и способов их крепления в пазы костяной оправы [Окладников 1950: 180, 185, 186]. В Северо-Восточном Прибайкалье также известны памятники (Большой Якорь и др.), где зафиксированы различные типы вкладышевых предметов, которые использовались 11,5–12,6 т. л. н. [Инешин и др. 2004: 54, 64, рис. 5].

Интересные соответствия нашему образцу находим среди древностей упомянутого выше далекого Оленеостровского могильника на Онежском озере в Карелии [Гурина 1956] и Подмосковья (рис. 14), в частности в Минино 2 [Сорокин 2013]. Они прежде датировались неолитическим временем. В настоящее время их стали относить, согласно результатам радиоуглеродных данных, к мезолиту [Manninen et al. 2021], что требует корректировки вопросов происхождения и развития сибирских и казахстанских составных предметов, происходящих из разных погребальных, поселенческих и иных комплексов.

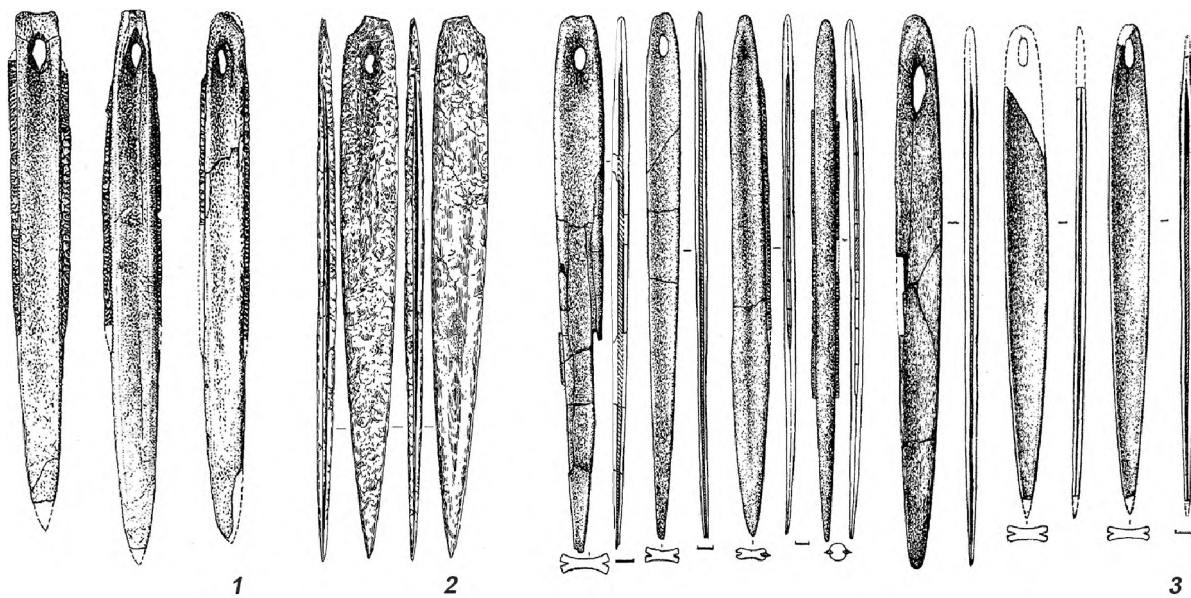


Рис. 11. Вкладышевые кинжалы из неолитических погребений Алтая (масштаб различен): 1 – Солонцы-5 [по: Кунгурова 2005: 19, 117, рис. 38, 2–4, фото 9]; 2 – пещера Каминная [по: Маркин 2000: рис. 3, 29]; 3 – Усть-Иша [по: Кирюшин и др. 2000: 17, 87, 88, рис. 22, 23]
 Fig. 11. Liner daggers from the Neolithic burials of Altai (the scale may vary): 1 – Soloncy 5 [Kungurova 2005: 19, 117, fig. 38, 2–4, photo 9]; 2 – Kaminnaya Cave [Markin 2000, fig. 3, 29]; 3 – Ust-Isha [Kiryushin et al. 2000: 17, 87, 88, fig. 22, 23]

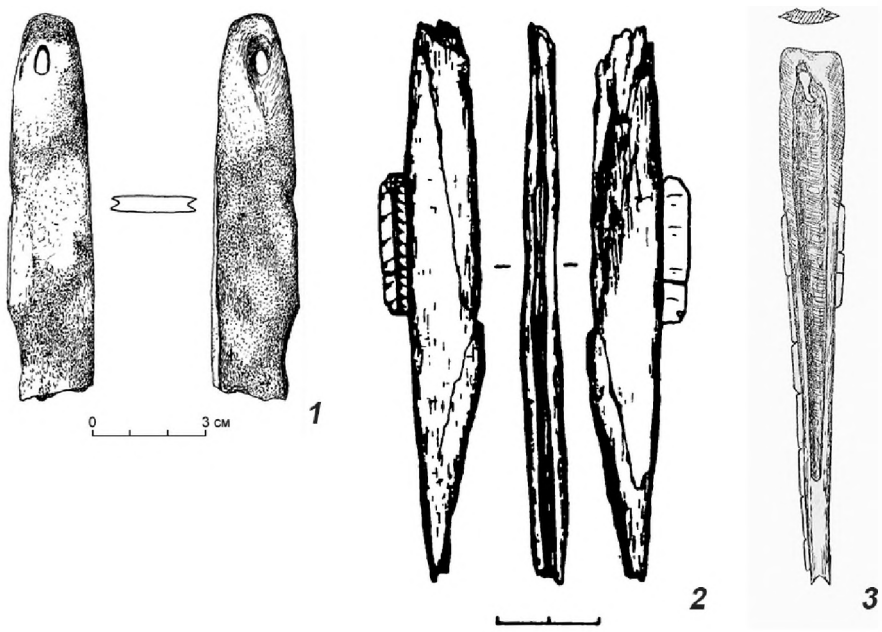


Рис. 12. Вкладышковые кинжалы: 1 – пещера Бийка-1, Горный Алтай [по: Нохрина, Чеха 2013: 136]; 2 – вкладышковый кинжал из Тау-Тюбе, Северный Прикаспий [по: Дубягин и др. 1982: 128, рис. 24]; 3 – вкладышковый кинжал из неолитического погребения в Норовлин, Монголия [по: Волков 1975: 78, рис. 2]

Fig. 12. Liner daggers: 1 – Biyka 1 Cave, Gorny Altai [Nokhrina, Chekha 2013: 136]; 2 – liner dagger from Tau-Tyube, Northern Caspian Valley [Dubyagin et al. 1982: 128, fig. 24]; 3 – liner dagger from a Neolithic burial in Norovlin, Mongolia [Volkov 1975: 78, fig. 2]

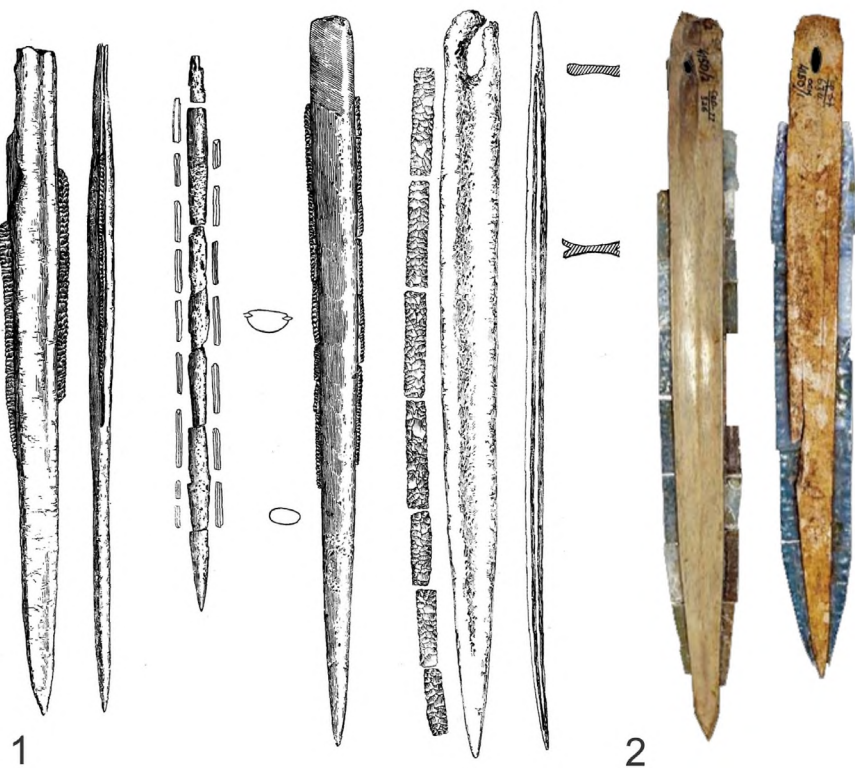


Рис 13. Костяные вкладышковые наконечники копий и кинжалы неолитической эпохи из Прибайкалья (масштаб различен): 1 [по: Окладников 1950: 183, рис. 31; 215, рис. 62; 365, рис. 109, 5]; 2 [по: История Сибири... 2022: 280, рис. 165, 29, 30, фото А. И. Соловьева]

Fig. 13. Neolithic bone liner spearheads and daggers, Baikal region (scale may be different): 1 [Okladnikov 1950: 183, fig. 31; 215, fig. 62; 365, fig. 109, 5]; 2 [History of Siberia 2022: 280, fig. 165, 29, 30, photo by A. I. Solovyov]



Рис 14. Вкладышковый кинжал из Минино 2 в Подмоскowie [Сорокин 2013: 247, рис. 250]

Fig. 14. Liner dagger from Minino 2, Moscow region [Sorokin 2013: 247, fig. 250]



Следует заметить, что несмотря на изобилие кремневых пластин в памятниках неолитического облика, находки сложносоставных орудий со вкладышами из изящных пластин, наконечников копий, дротиков, топоров с ручками и т. д., которые могли быть использованы как оружие, встречаются нечасто.

Что касается составных вкладышевых предметов, найденных на территории Казахстана, то можно указать на однопозовый вкладышевый нож (или кинжал), который происходит из неолитической стоянки Кара Мурза VI в Тургайском прогибе, в пределах Костанайской области [Логвин, Шевнина 2007: 180, рис. 3, 2]. Заостренность одного конца костяной оправы указывает, что в конструкцию изделия изначально была заложена идея использования оружия для проведения комбинированных колюще-режущих действий в ближнем бою.

Из указанной стоянки происходит также обломок однолезвийного вкладышевого ножа, оправка которого изготовлена из трубчатой кости крупного животного [Логвин, Шевнина 2007: 182].

Обломок ножа в костяной оправе и с одним пазом из нео-энеолитического слоя стоянки Шидерты-III в Павлодарской области [Мерц 1994], судя по сильно закругленному кончику и широкой спинке, был рассчитан только для режущих действий, но вполне мог входить в боекомплект и быть использован как боевое оружие.

Остатки вкладышевых ножей обнаружены и в других неолитических памятниках Казахстана и соседних регионов, среди которых отметим обломки двух вкладышевых ножей из неолитического поселения на озере Борлы [Мерц 1994: 40; 2011: 184–186, рис. 3].

Укажем еще на остатки обоймы вкладышевого ножа (длина – 22 см, ширина – 2–3, 5 см, толщина – 0,8 см) с односторонним пазом из кургана № 3 могильника Майское-V в Павлодарской области, но, как полагают авторы раскопок, погребение может быть датировано энеолитическим временем [Захаров и др. 2020: 990–992, 994, 995, рис. 4].

Литература / References

- Акимова Е. В., Вдовин А. С., Макаров Н. П. Пазовые орудия Красноярского археологического района. *Древности Приенисейской Сибири*, отв. ред. А. С. Вдовин. Красноярск: КГУ, 1996. Вып. 1. С. 62–82. [Akimova E. V., Vdovin A. S., Makarov N. P. Liner tools of the Krasnoyarsk archaeological region. *Ancient Artifacts from The Yenisei River Valley in Siberia*, ed. Vdovin A. S. Krasnoyarsk: KSU, 1996, iss. 1, 62–82. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wfwlrr>
- Бородкин Ю. М. Материалы неолитического погребения у с. Васькова. *Известия лаборатории археологических исследований*, отв. ред. А. И. Мартынов. Кемерово: Кем. кн. изд-во, 1967. Вып. 1. С. 101–107. [Borodkin Yu. M. Neolithic burial at the village of Vaskovo. *News of the laboratory of archaeological research*, ed. Martynov A. I. Kemerovo: Kem. kn. izd-vo, 1967, iss. 1, 101–107. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zeycbn>

Заключение

Костяные вкладышевые кинжалы, наряду с другими категориями составных предметов, маркируют технико-технологические достижения и некоторые социокультурные явления, которые имели место в период от позднего палеолита до неолита включительно, в ряде регионов восточнее Урала, юга Западной Сибири, Прибайкалья и Восточной Европы. Вкладышевые изделия зафиксированы также в памятниках эпохи раннего металла [Васильев, Синюк 1985: 85, табл. 4, рис. 28; 87, табл. 6, рис. 11, 12; Молодин 2001: 51, 98, 99, рис. 26].

Костяной кинжал из неолитического слоя поселения Усть-Нарым в Восточном Казахстане мы относим к числу редких по конструкции, технологии изготовления и, безусловно, по функциональному назначению предметов. Типологически он относится к оружию ближнего наступательного (или рукопашного) боя. Погребенный, которого сопровождал в инобытие данный кинжал, относившийся к числу престижных вещей (или атрибутов), принадлежал, возможно, к социальной категории служителей культа (жречеству) или обладал другим особо важным статусом в конкретном социуме.

Сложносоставной кинжал эпохи неолита также демонстрирует на фоне чрезвычайно богатой индустрии кремневых орудий, происходящих из поселения Усть-Нарым, специфику этносоциокультурного развития общества изучаемой эпохи, становление новых общественных отношений и практики религиозно-культовых действий. Как оружие особого назначения с оригинальной конструкцией его можно отнести к числу сакральных предметов, особо почитаемых в социуме, и можно допустить, что он использовался исключительно при проведении важных ритуально-обрядовых действий, связанных в ряде случаев с актом жертвоприношения.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

- Васильев И. Б., Синюк А. Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи (вопросы происхождения и периодизации культур). Куйбышев: КГПИ, 1985. 118 с. [Vasiliev I. B., Sinyuk A. T. *Eneolithic East-European forest-steppe: origin and periodization of cultures*. Kuibyshev: KSPI, 1985, 118. (In Russ.)]
- Волков В. В. Погребение в Норовлин уула (Монголия). *Археология Северной и Центральной Азии*, ред. А. П. Окладников, А. П. Деревянко. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ие, 1975. С. 76–79. [Volkov V. V. Burial ground in Norovlin Uula (Mongolia). *Archaeology of North and Central Asia*, eds. Okladnikov A. P., Derevyanko A. P. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-ie, 1975, 76–79. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yvcmef>
- Гинзбург В. В. Антропологическая характеристика населения Казахстана в эпоху бронзы. *Труды Института истории, археологии и этнографии. Т. 1. Археология*. Алма-Ата: АН КазССР, 1956. С. 159–171. [Ginzburg V. V. Anthropological characteristic of the population of Kazakhstan in the Bronze Age. *Proceedings of the Institute of History, Archaeology, and Ethnography. Vol. 1. Archaeology*. Alma-Ata: AS Kazakh SSR, 1956, 159–171. (In Russ.)]
- Гребенюков В. И. Археологическое изучение неолита и энеолита Восточного и Центрального Казахстана (50–60-е гг. XX столетия). *Вестник Нижневартковского государственного университета*. 2015. № 4. С. 60–66. [Grebennyukov V. I. Archaeological studies of the Neolithic and Chalcolithic age in Eastern and Central Kazakhstan (50s–60s of the 20th century). *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, 2015, (4): 60–66. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/unjofd>
- Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник. М.-Л.: Наука, 1956. 432 с. [Gurina N. N. *Oleneostrovsky burial ground*. Moscow-Leningrad: Nauka, 1956, 432. (In Russ.)]
- Дубягин П. С., Чикриз Ф. Д., Чуринов В. А., Васильев И. Б., Выборнов А. А. Новые материалы неолита-бронзы из Северного Прикаспия. *Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла*, отв. ред. Н. Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1982. Т. 263. С. 95–134. [Dubayagin P. S., Chikrizov F. D., Churinov V. A., Vasiliev I. B., Vybornov A. A. New Neolithic bronze from the Northern Caspian. *Volga-Ural steppe, and forest-steppe in the Early Metal Era*, ed. Merpert N. Ya. Kuibyshev: KSPI, 1982, vol. 263, 95–134. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uxpjtn>
- Жилин М. Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.: УРСС, 2001. 328 с. [Zhilin M. G. *Mesolithic bone industry of the forest zone of Eastern Europe*. Moscow: URSS, 2001, 328. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pdfkrf>
- Жилин М. Г. Функциональная классификация предметов вооружения из кости и рога в мезолите лесной зоны Восточной Европы. М.: ИА РАН, 2021. 180 с. [Zhilin M. G. *Functional classification of bone and antler weapons in the Mesolithic of the forest zone of Eastern Europe*. Moscow: IA RAS, 2021, 180. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pfymrx>
- Захаров С. В., Мерц В. К., Бычков В. С. Охранные раскопки курганной группы Майское V (предварительные результаты). *Мир Большого Алтая*. 2020. Т. 6. № 3. С. 983–1000. [Zakharov S. V., Merts V. K., Bychkov V. S. Protective excavations of the burial mounds of Mayskoe V: preliminary results. *Mir Bolshogo Altaia*, 2020, 6(3): 983–1000. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wdiiuu>
- Инешин Е. М., Клементьев А. Н., Мартынович Н. В., Тернер-И К. Дж., Тетенькин А. В., Хензыхенова Ф. И. Проблематика и вопросы методологии зооархеологических исследований Большого Якоря 1. *Известия лаборатории древних технологий*. 2004. № 1. С. 49–86. [Ineshin E. M., Klementiev A. N., Martynovich N. V., Turner-II K. J., Tetenkin A. V., Khenzykhenova F. I. Problems and questions methodology of the zooarchaeological researches of the Bolshoy Yakor 1. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii*, 2004, (1): 49–86. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vyxfyr>
- История Сибири в 4 томах. Т. 1. Каменный и бронзовый век, отв. ред. М. В. Шуньков. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2022. 660 с. [History of Siberia. Vol. 1. Stone and Bronze Age, ed. Shunkov M. V. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2022, 660. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/aqygxu>
- Кирюшин Ю. Ф., Кунгурова Н. Ю., Кадиков Б. Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул: АлтГУ, 2000. 117 с. [Kiryushin Yu. F., Kungurova N. Yu., Kadikov B. Kh. *The oldest burial grounds of the northern foothills of Altai*. Barnaul: AltSU, 2000, 117. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vabqkb>
- Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. Л.: Наука, 1969. 216 с. [Korobkova G. F. *Labor tools and economy of Neolithic tribes of Central Asia*. Leningrad: Nauka, 1969, 216. (In Russ.)]
- Коробкова Г. Ф. Результаты изучения производственных функций каменных орудий из Усть-Нарыма. *Новые методы в археологических исследованиях*, отв. ред. С. И. Руденко. М.-Л.: АН СССР, 1963. С. 215–233. [Korobkova G. F. Functions of stone implements from Ust-Narym. *New methods in archaeological research*, ed. Rudenko S. I. Moscow-Leningrad: AS USSR, 1963, 215–233. (In Russ.)]

- Кунгурова Н. Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая. Барнаул: БЮИ МВД России, 2005. 128 с. [Kungurova N. Yu. *Solontsy 5 burial ground. Culture of buried Neolithic Altai*. Barnaul: BLI MIA of Russia, 2005, 128. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qpaopj>
- Логвин А. В., Шевнина И. В. Производственные аспекты жизнедеятельности маханджарского населения. *Оман тарихы*. 2007. № 3. С. 174–185. [Logvin A. V., Shevnina I. V. Production aspects of life activity of the Makhanjar population. *History of the Homeland*, 2007, (3): 174–185. (In Russ.)]
- Маркин С. В. Неолитическое погребение Северо-Западного Алтая. *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2000. № 2. С. 53–64. [Markin S. V. Neolithic burial of Northwestern Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2000, (2): 53–64. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tgvevx>
- Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М.: Наука, 1976. 368 с. [Matyushin G. N. *Mesolithic of the Southern Urals*. Moscow: Nauka, 1976, 368. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wxunht>
- Мерц В. К. Новые материалы по неолиту Северо-Восточного Казахстана. *Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы*: Междунар. науч. конф. (Алматы, 12–15 декабря 2011 г.) Алматы: Хикари, 2011. Т. I. С. 178–186. [Merts V. K. New materials on Neolithic Age in North-Eastern Kazakhstan. *Archaeology of Independent Kazakhstan: results and prospects*: Intern. Sci. Conf., Almaty, 12–15 Dec 2011. Almaty: Khikari, vol, I, 178–186. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xxudgt>
- Мерц В. К. О происхождении комплексов Прибайкальского типа в энеолите Казахстана. *Палеодемография миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье*: Междунар. науч. конф. (Барнаул, 12–13 апреля 1994 г.) Барнаул: АлтГУ, 1994. С. 39–42. [Merts V. K. Origin of complexes of Transbaikal type in Eneolithic Kazakhstan. *Paleodemography migration processes in Western Siberia: from ancient times to the Middle Ages*: Intern. Sci. Conf., Barnaul, 12–13 Apr 1994. Barnaul: AltSU, 1994, 39–42. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vezskl>
- Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 1. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. 128 с. [Molodin V. I. *Sopka-2 site on the Om river bank. Vol. 1. The cultural-chronological analysis of the burial sites belonging to the Neolithic and Early Metal Periods*. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2001, 128. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pdgjgh>
- Мосин В. С. История Южного Урала. Т. 1. Южный Урал в каменном веке. Челябинск: ИЦ ЮУрГУ, 2019. 408 с. [Mosin V. S. *History of the Southern Urals. Vol. 1. Southern Urals in the Stone Age*. Chelyabinsk: IC SUSU, 2019, 408. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rgsosf>
- Нохрина Т. И., Чеха А. Н. Костяной вкладышевый кинжал из пещеры Бийка-1 (Горный Алтай). *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. 2013. Т. 19. С. 135–138. [Nokhrina T. I., Chekha A. N. Bone liner dagger from the Biyka 1 Cave in Gorny Altai. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, 2013, 19: 135–138. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rtrtkth>
- Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. Ч. I–II. 1950–1955. М.-Л.: АН СССР, 1950. 412 с. [Okladnikov A. P. *Neolithic and Bronze Age of Baikal region. Historical and archaeological research. Pt. I–II. 1950–1955*. Moscow-Leningrad: AS USSR, 1950, 412. (In Russ.)]
- Петрин В. Т. Раскопки позднепалеолитической стоянки Черноозерье II на Среднем Иртыше. *Из истории Сибири. Вып. 15. Материалы по археологии Западной Сибири*, отв. ред. В. Ф. Генинг, В. И. Матющенко. Томск: ТГУ, 1974. С. 13–17. [Petrin V. T. Excavations of the Late Paleolithic site Chernoozerie II on the Middle Irtysh. *From the History of Siberia. Iss. 15. Materials on archeology of Western Siberia*, eds. Gening V. F., Matyushchenko V. I. Tomsk: TSU, 1974, 13–17. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wfucpp>
- Сальников К. В. К вопросу о неолите степного Зауралья. *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*. 1952. № 47. С. 15–23. [Salnikov K. V. To the question about the Neolithic of the steppe Trans-Urals. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii materialnoi kultury*, 1952, (47): 15–23. (In Russ.)]
- Солодовников К. Н., Багашев А. Н., Тур С. С., Громов А. В., Нечвалода А. И., Кравченко Г. Г. Источники по палеоантропологии неолита – энеолита Среднего Прииртышья. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2019. № 3. С. 116–136. [Solodovnikov K. N., Bagashev A. N., Tur S. S., Gromov A. V., Nechvaloda A. I., Kravchenko G. G. Neolithic-Eneolithic paleoanthropological sources from the Middle Irtysh area. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*, 2019, (3): 116–136. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2019-46-3-116-136>
- Сорокин А. Н. Стоянка и могильник Минино 2 в Подмосковье: костяной и роговой инвентарь. М.: ИА РАН, 2013. 448 с. [Sorokin A. N. *Settlement and burial site Minino 2 in the Moscow Region: bone and antler tools*. Moscow: IA RAS, 2013, 448. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sxnzih>

- Черников С. С. Восточно-Казахстанская экспедиция 1950 г. *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*. 1952. № 48. С. 81–92. [Chernikov S. S. East Kazakhstan expedition of 1950. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii materialnoi kultury*, 1952, (48): 81–92. (In Russ.)]
- Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы (результаты археологических исследований): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1970. 60 с. [Chernikov S. S. *East Kazakhstan in the Neolithic and Bronze Age: results of archeological studies*. Dr. Hist. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1970, 60. (In Russ.)]
- Черников С. С. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции. *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*. 1956. № 64. С. 43–60. [Chernikov S. S. The East Kazakhstan expedition. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii materialnoi kultury*, 1956, (64): 43–60. (In Russ.)]
- Черников С. С. Работы Восточно-Казахстанской археологической экспедиции в 1956 году. *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*. 1959. № 73. С. 99–106. [Chernikov S. S. The East Kazakhstan archeological expedition in 1956. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii materialnoi kultury*, 1959, (73): 99–106. (In Russ.)]
- Шмидт И. В. Ромбовидные знаки Черноозерья II и Пегана – орнаментальные инварианты? Попытка обоснования и локализация стиля. *Краткие сообщения Института археологии*. 2022. № 267. С. 345–363. [Schmidt I. V. Rhombic signs from Chernoozerye II and Pegan: ornamental invariants? Attempt to justify and localize the style. *Kratkiye Soobshcheniya Instituta Arkheologii*, 2022, 267: 345–363. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.267.345-363>
- Яблонский Л. Т. Восстановление лица по черепу человека из погребения на стоянке Шидерты 3 и проблема раннего расогенеза на территории Казахстана. *Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья*, отв. ред. В. К. Мерц. Павлодар: Эко, 2002. С. 44–63. [Yablonsky L. T. Face restoration based on a human skull from Shiderty 3 archeological site and the problem of early race genesis in Kazakhstan. *Archeological sites of Pavlodar Irtysh River region*, ed. Merts V. K. Pavlodar: Eko, 2002, 44–63. (In Russ.)]
- Manninen M. A., Asheichyk V., Jonuks T., Kriiska A., Osipowicz G., Sorokin A. N., Vashanau A., Riede F., Persson P. Using radiocarbon dates and tool design principles to assess the role of composite slotted bone tool technology at the intersection of adaptation and culture-history. *Journal of Archaeological Method and Theory*, 2021, 28(2): 845–870. <https://doi.org/10.1007/s10816-021-09517-7>